

Торжество времени

*Б.М. СЕРГЕЕВ,
старший преподаватель кафедры рисунка*

Во Владимирском ополье, земле, лежащей на территории, в древности принадлежащей княжеству Владимирскому и бывшей в свое время житницей Древней Руси, есть замечательный старинный город, основанный еще князем Юрием Долгоруким и названным им в честь своего небесного покровителя — Георгия Победоносца. Ныне это совсем небольшой городок, но он, к счастью, за свою полную событий историю ни разу не менял славного имени, данного ему при основании: Юрьев-Польской.

Именно туда в 1471 году приехал из Москвы Василий Дмитриевич Ермолин. Он получил повеление государя Ивана III, недавно женившегося на Зое Палеолог, племяннице последнего императора Византии, героически погибшего на стенах Константинополя при взятии его турками в 1453 году, обследовать рухнувший перед этим в 1445 году собор Св. Георгия, выстроенный князем Святославом Всеволодовичем в 1234 году за три года до нашествия монголов на Русь, и на месте решить, подлежит ли он восстановлению либо нет. Государь не зря послал именно этого выдающегося человека своего времени: зодчего, скульптора, реставратора, всесторонне образованного и впоследствии редактора летописи, названной уже в наше время Ермолинской. Ему надлежало

решить судьбу красивейшего храма земли русской, сплошь покрытого белокаменной резьбой: орнаменты, капители, колонки, рельефные скульптурные образы святителей, мучеников, пророков, евангельские сюжеты. Все это в сочетании с изумительной гармонией и стройностью архитектуры производило незабываемое впечатление. Мы восхищаемся ныне прекрасным храмом Спаса на Нерли, что стоит близ города Владимира — этим чудом гармонии архитектуры и пейзажа, но даже представить не можем, насколько прекраснее был храм, посвященный Св. Георгию в Юрьеве-Польском. И вот все это рухнуло, спустя столетия после создания не выдержали своды. Зрелище груды белого камня среди остатков на треть возвышавшихся южной и части западной стен было тяжелым. Ермолину и работникам

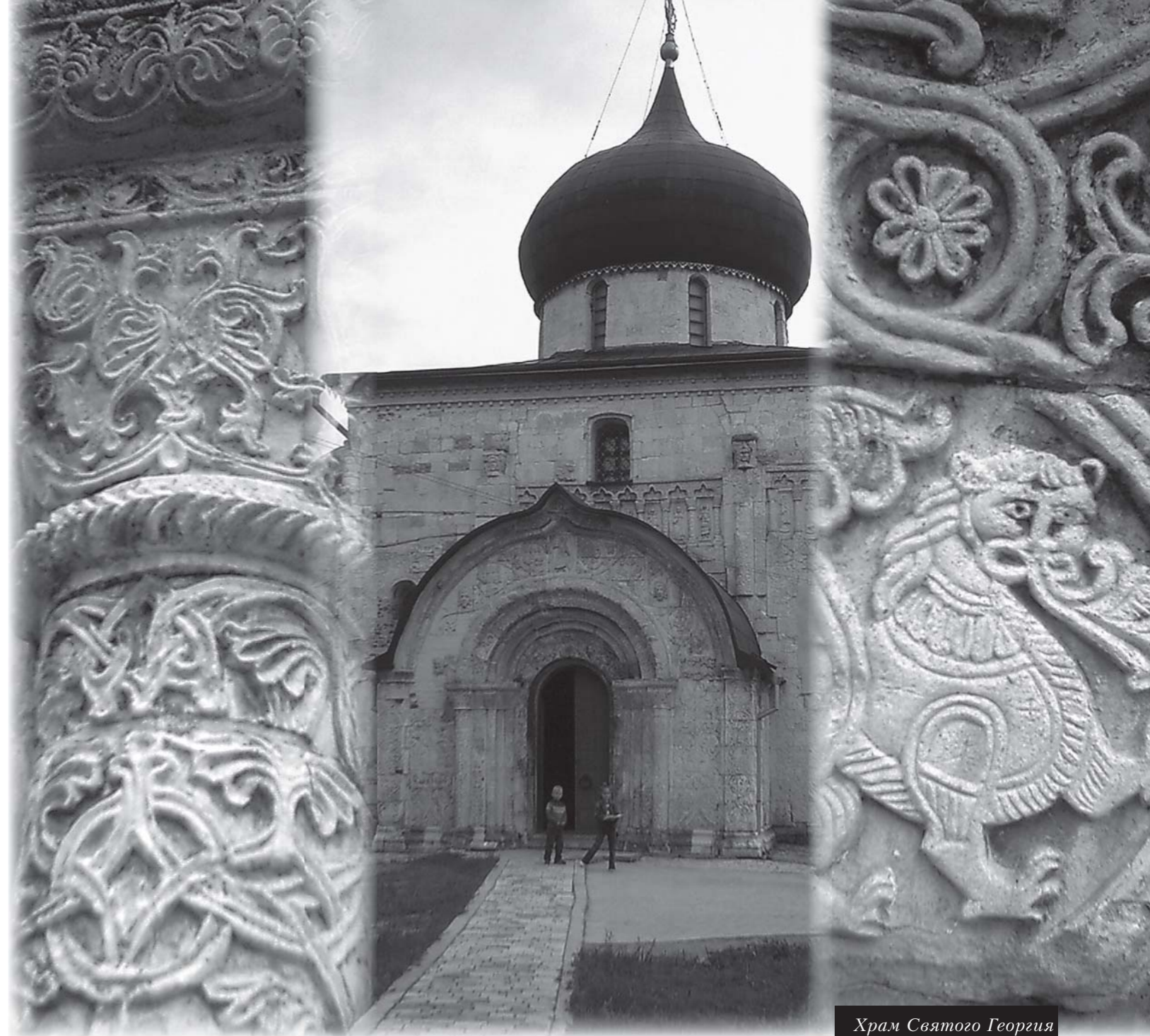
предстояла сложнейшая задача все это разобрать и попытаться хоть как-то то чудо восстановить, что прославило город, да и Землю Русскую, ибо вопрос о воссоздании стал ясен сразу, с первого взгляда на чудесные резные камни. Душа скульптора Ермолина не могла допустить исчезновения этой дивной пластики. Времени было мало, в Москве ждал большой заказ на работы в Кремле, ведь 1471 год означает еще и тем, что был окончательно решен вопрос о Новгороде, где в боярской правящей верхушке во главе с Марфой Борецкой проявились изменнические тенденции в виде союза Польшей и Литвой. В результате пришлось послать войско, и в военном столкновении 14 июля 1471 года новгородцы потерпели поражение, тогда республика Господин Великий Новгород лишилась самостоятельности, а

возросшее значение Москвы должно было подтверждаться достойными строительными работами и произведениями, украшающими столичный город. После осмотра руин решено было сохранить все уцелевшие камни и из них собрать храм, пусть и не прежнего облика, но сохранив скульптурные изображения. Клади без разбора композиционных и сюжетных линий, храм выходил приземистый, в два раза ниже, с крупной главой, более скромный, но сохранивший, как обнищавший князь, достоинство каменного царственного убора былого величия. Пребывание Ермолина в Юрьеве-Польском не ограничилось лишь восстановительными работами. В местном музее хранится резное деревянное изображение Св. Георгия, выполненное мастером и во многом аналогичное

каменной скульптуре Св. Георгия на коне, украшавшей некогда в 1464 году Фроловскую (Спасскую) башню Московского Кремля. Позже эта скульптура, при перестройке башни, в нынешнем виде была перенесена в Чудов монастырь в Кремле и пострадала от коммунистов в 1929 году при уничтожении ими монастыря; сейчас в виде фрагментов она находится на хранении в Третьяковской галерее. Храм же, на радость нам, уцелел от разрушения последователями учения о пролетарской диктатуре великого Хама и даже в том виде, что приобрел спустя столетия, напоминает нам, заблудшим в своей собственной стране и забывшим о простой истине, что не может красоты быть без Бога, без любви к земле своей, без стремления ее украсить подобными храмами, словом, без

того, что называется патриотизмом, о котором недавно какой-то популярный субъект по радио вещал, что это понятие пропагандирует ненависть к другим народам, повторяя подлое выражение о том, что патриотизм — это последнее прибежище негодяев. Трудно и противно возражать подобным типам, ибо трудно от того, что они попросту не поймут вас, потому как для этого нужно любить свою страну, ее историю, землю, народ. Противно, что испытываешь чувство брезгливости от общения с вещателями подобных идеек.

Мы приехали в этот небольшой город вечером месяца августа, когда ясное небо, казалось, наполненное мельчайшими пылинками золота, накрывало покоем и миром все окрестности. Как это радостно было нам после пробок Москвы, напряже-

Храм Святого Георгия

На городском валу.
Беседа с В.А. Десятниковым

Святославов крест

Храмы города

Наша группа

Рельефы в соборе

Рельефы на стене храма Святого Георгия

ния дороги. С ожиданием встречи мы подошли к храму и все равно захлебнулись от восторга увиденного. Заходящее солнце, своими лучами окрашивая белый камень охрой, выявляло скульптуру особенно четко. Хаос рельефов, разнотемье соседствующих фрагментов, невероятный ребус, но все же читаемый, узнаваемый, составлял эти стены, по которым как из земли рос, петлял и свивался белокаменный орнамент то ли древа жизни, то ли олицетворения земного, над которым уже сто лет бьются исследователи, пытаясь воссоздать первоначальное. Нынче же это читается как какое-нибудь произведение модерниста, как, например, М. Павича с его удивительными и всегда неожиданными поворотами сюжета. фразами, образами. А глаза искали и соединяли разрозненное в чин Деисуса (вообще-то правильное будет «Деисиса» по-гречески); вот, здесь и там видны фигуры из пророческого ряда, а вот и Троица, и Авраам, принимающий ее, вот фигуры из сцены Вознесения, а здесь в медальонах представлены мученики; узнаем сразу целителей Козьму и Дамиана, и еще, и еще...И тут понимаешь, что храм сам как алтарная преграда, но как бы вывернутая наружу, и все эти изображения мучеников и праведников, заменяющие иконную и фресковую живопись, но не внутри, а снаружи — все это образует преддверие Рая, куда мы осмеливаемся войти, что там, внутри этого храма, и есть Дух Божий, там внутри, где столпы, арки, паруса, купол и апсида олицетворяют мироздание, Царство Божие. И начинаем смутно угадывать идею строителей этого чуда создать в материальном облике образ Рая, Небесного Иерусалима, тогда вдруг осознаешь, что та сила эллинского духа меры и красоты вкупе с великой истиной христианства, что создала в 535 году невероятный храм Св. Софии в Константинополе, впоследствии щедро разлилась по всей русской земле. И не зря замечательный русский уче-

ный-византист Н.П. Кондаков, осматривая в 1897 году собор, сказал тогдашнему настоятелю, о том что храм Св. Георгия представляет такую великую ценность, что достоин стоять под стеклянным колпаком. Князь Святослав Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, основавшего этот город, сумел создать храм, превосшедший все построенное в то время — это отвечало его решительному и честолюбивому характеру, желанию затмить всех красотой его храма, и это удалось совершить. Несмотря на то, что уже через четыре года сюда ворвались монголы с их варварскими погромами, а затем, столетия спустя, столь же варварски и бесчеловечно орудовали поляки с бандами запорожцев, собор, до этого переживший обрушение и восстановленный, хотя и не в прежней красоте, этот собор, уцелевший даже в невиданные прежде по жестокости гонений на христианство времена господства коммунистов, ныне может пострадать безвозвратно от рук так называемых реставраторов. Понеже обходя вокруг него, мы увидели строительные леса и камень стен — какой-то уж белый и слишком чистый до неприятности. На уровне головы я обнаружил, что он чем-то покрыт, а слой чуточку отходит. Отковырнув пальцем этот кусочек, мы с ужасом увидели, что камень под ним сыплется, а ведь они, реставраторы, как видно, собираются покрыть этим слоем весь храм. Я скульптор и знаю, что камень должен дышать, особенно известняк, из которого сложен храм, его, нельзя чистить, ибо известняк обладает свойством самоукрепления своего внешнего слоя под воздействием времени. Если этот слой не нарушать всякой якобы чисткой, то он будет стоять долго, иначе камень ослабнет и ничто уже его не спасет. Аналогичный и, к сожалению, очень печальный пример произошел со скульптурой в Дрездене, на здании Цвингера, где расположена знаменитая картинная галерея и где снаружи очень много прекрасной барочной

скульптуры из песчаника. Году в 1978-м я шел по верхней террасе Цвингера, любовался скульптурой и вдруг не поверил своим глазам: рабочие с немецкой аккуратностью старательно очищают почерневшие от времени и копоти скульптуры до свеженького и красивенького первоначального охристого цвета. Но это же песчаник, а его, как и известняк, нельзя трогать, нарушая отвердевший внешний слой. Подойдя к ним и, слава богу, владея немецким языком, я стал спрашивать, понимают ли они, что делают непозволительное, но в ответ услышал, что так надо и что теперь будет красиво. Три года спустя я вновь приехал в свой любимый Дрезден (как никак прабабушка оттуда родом, да и друг у меня там) и пойдя, как обычно, на свидание к скульптурам в Цвингер, увидел зрелище ужасающее: их сожрал, как будто грызло какое-то животное, скверный в то время воздух города. Обгрызенные смогом руки, ноги, туловища и головы статуй — это был результат безграмотности реставраторов. В случае же с храмом Св. Георгия может быть похоже, если не хуже, так как камень, покрытый составом, не дающим нормально дышать, а это мы как раз и обнаружили, так вот, этот камень начинает гнить от конденсата, который образуется между слоем и камнем, да еще предварительно почищенным. Великая беда нашего времени, когда кругом стали заправлять непрофессионалы, хваткие и агрессивные, профанируя все вокруг и собираясь в гибельные для нас и страны стаи. Недоучки и троечники занялись архитектурой, культурой, экономикой, образованием, и в этот печальный поток попала и реставрация, как всегда зависящая от денег; а тут пришел человек с Рублем и стал по своим понятиям указывать, что и как надо делать, и вот уже произошла монетизация совести и профессии. Но все это пришло к нам потом, а пока мы ходили вокруг уже утром следующего дня, когда, наконец,

открылись двери, вошли внутрь, то там нас ждали не меньшие радости и откровения от увиденного знаменитого распятия из камня, что было создано на десять лет раньше собора в 1224 году, а также от частей с рельефами, что не вставлены были в стены воссозданного В.Д. Ермолиным храма. Увидели мы деисусный чин, по стилю очень похожий на рельефы, виденные нами в Стамбульском археологическом музее в великолепном византийском отделе, где множество каменной пластики показывает истоки чуда, коим мы любовались ныне. И быть может работали здесь мастера из захваченного перед этим в 1204 году и ограбленного дочиста крестоносцами Константинополя по заказу Венеции и убежавшими от европейских варваров на Русь, еще не зная, что всего через тридцать три года погибнет артель этих дивных мастеров под стрелами и мечами других варваров, но уже с востока, от свирепых монголов. Потому что не создаст больше никто подобных рельефов, не останется, кому их вырезать в камне, да и смотреть некому будет, так как лежать земле Русской в пепле городов с декабря 1237 года, когда погибла взятая после жестоких штурмов Рязань, а потом и еще 49 городов русских. То, что принимали участие в украшении собора мастера из Византии, вряд ли подлежит сомнению, ибо сложно предположить мгновенное появление на Руси мастеров такого класса из ничего, либо надо признать, что подобные мастера были всегда, но тогда должны быть свидетельства их творчества, и мы, конечно, можем непременно указать на пластическое украшение владимирских соборов. Но здесь-то как раз и видны истоки этой пластики, как византийские, так и северо-итальянские в сочетании с русскими мастерами, которые несомненно принимали участие в создании и украшении этих храмов. И это не в укор таланту нашего народа, но в свидетельство его умения принять, впитать и творчески переосмыслить все лучшее, то

качество, в результате которого казалось великое русское государство, столь же великая культура русская и также этот чудный собор, где мы, упорно оглядывая его стены, вновь и вновь пытались сложить ряд мысленный из святых князей и воинов, опять отыскивали фрагменты из Вознесения, собирали пояс, состоящий из фигур грифонов, львов, барсов или пардусов; отыскивались еще новые детали из Преображения, ряд херувимов с ликами в обрамлении крыльев и ряд масок, выстраивались пророки со свитками в руках, множились медальоны с мучениками с крестами в руках, и становилось ясно, что без умения компьютерного здесь уже не обойтись и что надо приезжать сюда еще раз и снимать еще и еще хорошей аппаратурой, потому что такое чудо, которое хотя и описывали, и исследовали такие замечательные специалисты, как Г.К. Вагнер, Н.Н. Воронин, В.Н. Лазарев, В.А. Десятников, с которым мы как раз и осматривали его нынче, но недопустимо мало кто, кроме специалистов, пожалуй, и знаком; а ведь это наше величайшее достояние, и должны быть о нем роскошные альбомы и книги, быть может, фильмы, но ничего нет такого, что послужило к чести и гордости за наш народ и его культуру. А жаль. Вопрос остался все так же много. Из летописного свидетельства известно, что князь Святослав Всеволодович в 1230 году разрушил церковь, прежде поставленную его дедом Юрием Долгоруким при основании им города, и стал строить новую, что дошла до нас; но существующие различия, и очень подчас большие, в стилях скульптурного декора собора наводят на мысль, что при этом частично были использованы и рельефы прежнего храма в пластическом оформлении существующего. Также при осмотре декоративного узора, покрывающего стены, возникает предположение о создании некоторых из них мастерами, приехавшими с В.Д. Ермолиным при восстановлении, так как проследи-

вается близость их исполнения с московским стилем; особенно это касается изображений некоторых грифонов и различных существ в орнаментальных виньетках, но только некоторых. Г.К. Вагнер в своих исследованиях назвал нам имя главного мастера Георгиевского собора — Бакун. Конечно, здесь также работали и другие резчики, и откуда они родом, сейчас можно только предполагать. Но то, что работали мастера как в русле византийской традиции, так и в то же время есть своеобразная переключка и со скульптурным декором Северной Италии, как, например, церковь Сан-Дзено в Вероне или работы мастера Вильгельмо в соборе Модене. Нам сейчас трудно представить скульптурный декор храмов Константинополя, хотя существующие фрагменты, что находятся в Стамбульском археологическом музее, позволяют говорить о том, что он был, как и найденные фрагменты витражей при раскопках свидетельствуют о том, что витражное искусство не является присущим исключительно Западной Европе, гораздо раньше оно было известно в Византии. Но, должен повториться, уровень мастерства исполнителей рельефов храма Св. Георгия говорит о том, что это были авторы, опытные в работе с камнем, превосходно владеющие композицией, знакомые с имевшимися уже образцами, как на Руси, так и зарубежными. В то время Русь активно сотрудничала и политически, и посредством торговли практически со всеми странами Востока и Запада. Конечно, также были тесными и культурные контакты: приезжали мастера, работали, делились опытом, сами также учились, потому как без этого не бывает полноценного творческого обмена. И только в результате такого сотрудничества могло появиться чудо, именуемое собор Св. Георгия в г. Юрьеве-Польском.